Фигура Сергея Герасимова в современном искусстве Приморья словно укрыта за кулисами художественной жизни, он редкий участник выставок и, похоже, совсем не любитель разного рода творческих группировок, акций и дискуссий. Художник явно предпочитает уединение в мастерской шумным сборищам, когда больше говорят сами авторы, нежели их произведения. Может быть, именно поэтому его отдельные работы, что изредка появлялись в коллективных экспозициях, оставляли ощущение неожиданности и значительности художественного высказывания и вместе с тем — некой недоговоренности, тайны. Перед зрителем представали фрагменты где-то уже существующего, но пока что не явленного целиком мира, то ли созданного, то ли открытого автором.

Это могли быть натюрморты с минимальным набором предметов, отмеченные строгой композицией и тщательно разработанным, почти монохромным цветом. И эти натюрморты не столько представляли вещи в их бытовом значении, сколько указывали на скрытый метафизический смысл их существования. А порой автор выставлял большие сюжетные работы, где персонажи, предметы, детали пейзажа, как реальные, так и символические, были вовлечены в событие, — странное, фантастическое, которое превращало картину в сложную изобразительную метафору, требующую активного зрительского внимания.

Первая персональная выставка Сергея Герасимова «Галерея снов» вовсе не расставляет все точки над i в художественном и философском содержании его творчества, что едва ли возможно, да и не нужно, поскольку художественные образы нельзя расшифровать и сформулировать окончательно, но тем не менее представляет цельную и впечатляющую панораму его произведений последних лет. Мир художника впервые распахнулся перед нами, открывая современность, которая вызывает немало исторических и культурных ассоциаций, показывая интерьеры и пейзажи, где соединились реальность и фантазия, обнажая обыденные житейские ситуации, таящие в себе вечные нравственные и философские проблемы. Как заметил поэт Николай Ушаков, «чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь».

Действительно, поначалу зритель вполне может оказаться в роли девушки с картины «Созерцание», которая в трансе замерла посреди галереи на мраморной плите, утопающей в луговых цветах, над головой ее бесконечное небо, в которое уходят, растворяясь, стены, и смотрит она на неразрешимую загадку XX века — «Черный квадрат» Малевича. Ясная, почти геометрически чистая композиция полотна, его светлое пространство, погруженное в тишину и покой, — все,

казалось бы, располагает к прозрачному созерцанию, но постепенно картина пробуждает интеллектуальное беспокойство, она порождает вопросы, на которые едва ли отыщется единственно верный ответ. Эта иррациональная фантазия, не имеющая логического объяснения, эти живописные фантомы галлюцинаций и сновидений в высшей степени были присущи искусству сюрреализма, с которым у Герасимова немало точек соприкосновения. Собственно говоря, все эти вопросы, которые возникают у зрителя, и есть, видимо, содержание произведения, его смысл, если уж его стоит искать. Что это за странная призрачная галерея, вроде бы приземленная, но словно парящая в воздухе, точнее, ноосфере? Может быть, это образ того самого «воображаемого музея», что придумал французский писатель Анри Мальро в прошлом веке и который так полюбили искусствоведы?.. Почему девушка, когда у нее под ногами полевое разнотравье, а над головой нежное летнее небо, словно прикована взглядом к мрачному черному квадрату, к этой космической «черной дыре» человеческого разума, искусства и культуры? Может быть, художник этим противопоставлением пытается открыть нам глаза на истинные ценности мира?..

Сколько раз уже было сказано людьми, к которым надо бы прислушаться, что предназначение искусства не в том, чтобы давать ответы, а в том, чтобы ставить вопросы, но всякий раз мы все-таки стремимся на выставке получить, если и не ответ, то хотя бы привычную, понятную и комфортабельную картину действительности. И забываем при этом, что всякий ответ уже предполагает маленькую смерть мысли, чувства, движения. Творчество Сергея Герасимова в последние годы — это загадочная, подобная шахматной, игра философских идей и метафорических образов. В своих работах он выстраивает изобразительную, театральную по своей структуре мизансцену, в которой соединяются прошлое и настоящее, реальность и фантазия, привычная обыденность и сюрреалистический сон.

И на этой сцене вновь и вновь сталкиваются вопросы жизни и смерти, небесного и земного, добра и зла. А главное — возникает проблема личного выбора, как это, например, происходит в работе «Искушение», где двойники автора, между которыми пропасть, являют собой два варианта жизненного пути. И, несмотря на то что главным героем произведений нередко оказывается сам автор — художник Сергей Герасимов, по крайней мере, персонаж, похожий на него, картины превращаются в драматические произведения, где разыгрываются общечеловеческие страсти. Собственно говоря, в центре этих вроде бы автобиографических коллизий и сюжетов может оказаться каждый из нас.

Вообще вся драматургия его произведений часто разворачивается, что называется, на миру, и это достигается постоянным композиционным решением, когда персонажей окружает открытое пространство — русское поле, ночной город, бесконечная пустыня или даже мифические небеса, которые простираются одновременно и над прошлыми веками, и над сегодняшним днем. Личный интерьер художника, атрибуты его профессиональной и духовной жизни — живописный станок, подрамник с чистым холстом, стол, компьютер, сны и призраки, вызванные на свет авторскими чувствами, мыслью и воображением, — весь этот мир затворника вдруг оказывается на перекрестье времени и пространства, под небом, которое видело и отразило все, и все сохранило навсегда. Так и сюжеты картин Герасимова подчас несут в себе и современные, и вневременные приметы, словно одно зеркало входит своим отражением в другое. И потому в супермаркете, среди толчеи обычных посетителей, вполне может материализоваться великолепная дама с собачкой, словно сошедшая с полотна любимого автором Вермеера Дельфтского, о времени и живописи которого часто напоминают роскошные, богато написанные скатерти и покрывала, сверкающие на многих картинах автора.

Даже на полотнах, представляющих, казалось бы, сугубо реалистические сюжеты, порой возникает тревожная атмосфера скрытой от нас реальности, намек на метафизическую глубину действительности. Это можно ощутить и в работе «Трио», где свою печальную музыку вместе с собакой исполняют уличные музыканты, и в картине «Продавец птиц», где одинокая фигура продавца окружена столь же одинокими птичьими клетками. А наиболее запоминающееся в этом ряду, на мой взгляд, произведение — это «Портрет старушки».

Поражает художественный минимализм художника, при помощи которого он достигает эмоциональной выразительности. Участников этого холста, а точнее метафизической фотографии, снятой словно с обратной стороны реальности, можно перечислить по пальцам: старушка в черном на стуле, кот — непременный спутник старушек, сверкающий, словно резные врата смерти, черный пустой буфет, висящее на его углу полотенце и стоящая на краю тарелка с пасхальными яйцами, крашенными луковой шелухой. Это одновременно и образ конкретной старушки, и образ русской вдовы, потерявшей своего мужа-ветерана, о чем говорит полотенце в темно-оранжевую полоску, похожее на гвардейскую ленточку, и образ поколения, эпохи, страны. Наконец, эта картина — воплощенная экзистенциальная мысль о пространстве смерти, внутри которого таится возрождение, о нем и напоминают пасхальные яйца.

Конечно, все эти мои рассуждения могли бы показаться и слишком литературными, и абстрактными, если бы не живописная манера Герасимова. Дело в том, что всякую философскую мысль и вполне литературные сюжеты, какими и отличается его творчество, художник преображает в предельно реальный вещественный образ, написанный с почти фотографической достоверностью. Причем это касается как его, скажем, реалистических, так и фантастических картин. Такой сплав предметности изображения с отвлеченными идеями, фантасмагорическими видениями на грани и за гранью галлюцинации, был прочно утвержден в искусстве прошлого века Джорджо де Кирико, Рене Магриттом, Максом Эрнстом и другими великими сюрреалистами. Сергей Герасимов, надо сказать, в отличие от своих предшественников редко проникает в самые темные лабиринты подсознания, где мысль и чувство превращаются в абсурд, иррациональный ужас и хаос, ему важно все-таки сохранить живую идею во всей ее многозначности. Но вместе с тем он и не прячется от острых, порой мучительных вопросов бытия. Вот почему живописец в картине «Художник и модель», оказавшись лицом к лицу со смертью, ставит на станок холст и готовится написать свою гостью. А как же иначе, на то он и художник…